

**К проблеме соотношения вида и таксиса (деепричастие в «Семантико-грамматическом словаре русских глаголов»)<sup>1</sup>**

Работа посвящена роли деепричастий в семантико-грамматическом описании русского глагола, то есть месту деепричастий в словарных статьях «Семантико-грамматического словаря русских глаголов», над которым ведется работа в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Материалом для Словаря стали тексты из НКРЯ, время написания которых ограничивается последними 50-ю годами – с 1970 г. по 2019 г. В результате количественных исследований глагольных предложений с разной типовой семантикой стал очевидным тот факт, что для одних семантических групп глаголов характерна значительная частотность деепричастий, а для других – незначительная или их полное отсутствие. Кроме того, количественные исследования показали зависимость частотности деепричастий от вида глагола. Так обнаружилось три составляющих проблемы: глагольный вид, семантика предиката и деепричастие. Отношение категории вида к семантике предиката применительно к русскому глаголу начало обсуждаться после статей Ю.С. Маслова (1948 г.) и З. Вендлера (1967 г.), например, в работах (Авилова 1976; Булыгина 1982; Падучева 1996; 2004 и др.). Отношение вида и таксиса также известная проблема. Для русского языка таксис понимается как одна из функций глагольного вида (Якобсон (1957) 1972; Маслов 1978; Бондарко 1987; Плунгян 2003; Храковский 2009). Деепричастие и таксис – два понятия, очень тесно связанные: деепричастие квалифицируется как основная форма «зависимого таксиса» (Якобсон 1972) и как форма, принадлежащая ядру поля таксиса (Бондарко 1987). Синтаксическая сущность деепричастного таксиса обнаруживается в «противопоставлении второстепенного действия главному» (Маслов 1983, 42), что в традиционной русской грамматике обозначается терминами «второстепенное действие» (Грамматика русского языка, т 1, 1952, 523), «предицирующее обстоятельство» (Овсяннико-Куликовский 1912, 78), «придаточное сказуемое» (Шахматов 1941, 229). Какую роль в этой синтаксической зависимости играет вид и

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект №18-012-00263).

семантика глагола – обсуждают авторы коллективной монографии «Типология таксисных конструкций» (Храковский 2009).

Но как связаны деепричастие и семантика глагола? И на что в семантике глагола указывает большая или малая частотность деепричастий?

Деепричастие в предложении выполняет функцию зависимого сказуемого (таксисного предиката). При этом точкой отсчета для предикативных категорий зависимого сказуемого является основное сказуемое, с которым деепричастие должно совпадать по субъекту, но может совпадать или не совпадать по времени, что выражается видом деепричастия. Стандартная ситуация такова: деепричастия НСВ выражают одновременность, деепричастия СВ – разновременность (предшествование или следование).

В деепричастии, в отличие от финитных форм, категория вида остается один на один с семантикой глагола, не взаимодействуя ни с какими другими глагольными категориями, и выражает членимость времени действия и времени восприятия при разновременности минимум двух событий (СВ) и нечленимость этих временных осей при одновременности положений дел (НСВ). Именно деепричастие позволяет соединить таксис и модусную сущность вида: способность СВ членить время восприятия (заполнять его несколькими событиями) и способность НСВ заполнять время восприятия целиком.

Категория вида в русской языковой системе оказалась основой семантической классификации глаголов в разных лингвистических работах. За разными терминами - «семантический тип предиката» (Булыгина 1982), «лексико-семантическая группа» (Бабенко 1997); «таксономическая категория и таксономический класс» (Падучева 2004); «семантический класс/подкласс» (Апресян 2006); «тип акциональности» (Татевосов 2016), «акциональный класс» (Горбова 2017)<sup>2</sup> - скрывается одна и та же сущность - встроенность глагольного вида в языковую картину мира, в ее событийно-динамическую составляющую.

Любая семантическая классификация предикатов предполагает взаимодействие лексической семантики и грамматики, то есть проекцию на формообразование и установление семантических вариантов каждого из трех времен (актуально-длительное, хабитуальное, профетическое, процессное, и др.). Возможность/невозможность личных форм в изъявительном и повелительном наклонении учитывается в связи с

---

<sup>2</sup> В «Семантико-грамматическом словаре» термин *акциональность* используется для характеристики изосемических глаголов, обозначающих контролируемое личным субъектом действие.

такой семантической характеристикой, как агентивность глагола, то есть наличие агенса и контролируемости действия. Что касается деепричастий, то их употребление также связано (1) на уровне предложения – с агентивностью субъекта, с акциональностью (динамикой положения дел и наличием контроля), категорией вида и семантикой основного предиката, (2) на уровне текста – с коммуникативным регистром речи и субъектной перспективой высказывания.

Рассмотрим связь частотности деепричастий с семантикой глагола. Исследование показало, что в парадигме акциональных глаголов (глаголов, обозначающих динамические положения дел, контролируемые волей агентивного субъекта) деепричастия составляют в среднем около 2% от общего количества форм. При этом соотношение между деепричастиями СВ и НСВ для акциональных глаголов примерное равное. Однако количество употреблений деепричастий НСВ в два раза больше, чем количество употреблений деепричастий СВ. Так, в подкорпусе со снятой омонимией деепричастия СВ дают 6708 вхождений, а деепричастия НСВ – 13601. Отсюда следует вывод, что преобладание деепричастий НСВ образуется за счет глаголов неакциональных. См., например, соотношение деепричастий *прибежав* (38 вхожд.) и *прибегая* (295), которое объясняется омонимией глагола движения (*прибежать* – *прибегать*) и неполнозначительного глагола (*прибегнуть к помощи* - *прибегать*); или другое соотношение – *свидетельствуя* (63) и *засвидетельствовав* (2), *освидетельствовав* (1), в котором количественное преобладание НСВ связано с тем, что (1) глагол *свидетельствовать* двувидовой; (2) с семантикой НСВ связано неакциональное значение, в то время как приставочные глаголы СВ всегда акциональны (*засвидетельствовав, освидетельствовав*).

Показательны в этом отношении эмотивные глаголы (эмотивно-каузативные и эмотивно-возвратные). Глаголы каузации эмоционального состояния, хотя и являются переходными, но не относятся к разряду акциональных, т.е. не являются изосемическими, поскольку они

(1) не являются глаголами констатации, не обозначают конкретного (наблюдаемого) действия; не выражают динамики.

(2) каузация эмоции, как правило, является ненамеренной, т.е. неконтролируемой с позиции первого субъекта (каузатора); каузируемая эмоция в большей степени зависит от субъекта эмоциональной реакции, чем от субъекта-каузатора;

(3) глаголы этой группы семантически мотивированы именными корнями (субстантивными и адъективными), обозначающими состояние;

(4) каузативные эмотивы толкуются через возвратный глагол (*злить* – делать так, чтобы *злился*);

(5) возвратные глаголы, производные от каузативных эмотивов (*радовать* – *радоваться*, *удивлять* – *удивляться*, *злить* – *злиться*, *тревожить* – *тревожиться*), не выражают страдательности;

(6) видовое противопоставление в этой группе глаголов может осуществляться за счет суффиксов (*удивить* – *удивлять*, *возмутить* – *возмущать*, *поразить* – *поражать*), так и за счет приставок (*радовать* – *обрадовать*, *бесить* – *взбесить*, *гневить* – *прогневить*). При этом СВ имеет не аористивное, а перфективное значение, это означает, что глаголы СВ обозначают не результат, а начальную фазу эмоционального состояния.

В силу синонимических отношений между эмотивно-каузативными и эмотивно-рефлексивными синтаксическими конструкциями парадигматические возможности каузативных глаголов оказываются соотнесенными с парадигматическими возможностями возвратных глаголов: это касается не только личных форм глагола, но и деепричастий. Из четырех деепричастий (от переходных глаголов СВ и НСВ и от возвратных глаголов СВ и НСВ) наибольшую частность показывают деепричастия эмотивно-рефлексивные НСВ (*волнуясь*, *беспокоясь*, *радуясь*, *злясь*, *смущаясь*), на второй строчке эмотивно-рефлексивные глаголы СВ, ниже – каузативные эмотивы НСВ, и наконец – каузативы СВ. См., например, количество вхождений для деепричастий от глагола *злить* и его производных:

*Злясь* (103)

*Разозлившись* (83) / *разозлясь* (5)

*Разозлив* (3)

*Зля* (1).

От глагола *радовать*:

*Радуясь* (707)

*Обрадовавшись* (107) / *Порадовавшись* (22)

*Радуя* (57)

*Обрадовав* (4) / *Порадовав* (5)

От глагола *смущать*:

*Смущаясь* (407)

*Смутившись* (207)

*Смущая* (27)

### Смутив (9)

При сравнении частотности употребления деепричастий с частотностью причастий оказывается, что для выражения вторичной предикативности выбирается не причастие, а деепричастие. Такой выбор указывает на временную семантику предикатов состояния (на их прикрепленность ко времени) и причинно-следственную связь с другим событием в той же временной плоскости.

Сравнение с субстантивными эмотивными синтаксемами показало, что частотность деепричастий от возвратно-эмотивных глаголов сближается с частотностью именных синтаксем «С+ Тв. пад.» (*радуясь* = с радостью; *печальюсь* = с печалью; *волнуюсь* = с волнением): *радуясь* (707) – с радостью (1380). Число вхождений деепричастия *радуясь* составляет 9% от общего числа вхождений глагола *радоваться*, число вхождений синтаксемы с радостью составляет около 8% от общего количества употреблений слова *радость*.

Деепричастие НСВ выражает одновременность данного положения дел по отношению к положению дел, выраженному основным предикатом:

*В начале XX века, удивляя наших дедов и прадедов, парили над просторами русской равнины огромные железные птицы — четырехмоторные аэропланы «Русский витязь» и «Илья Муромец». [Олег Мраморнов. «Закон притяжения масс открывает закон добра и любви» // «Наука и религия», 2008]; Статуя будет просто тихо стоять, радуя людские взоры своим совершенством. [Борис Руденко. «Рабочий и колхозница». Возвращение // «Наука и жизнь», 2009]; Летом вся эта свора бродила возле склада, пугая прохожих, а зимой псам больше нравилось лежать на тёплой, преющей картошке. [Юрий Коваль. Картофельная собака (1972)] = Аэропланы летали и при этом удивляли людей; Псы бродили и тем самым пугали прохожих. Деепричастия каузативных эмотивов НСВ обозначают эмоциональную реакцию личного субъекта, которая имеет место в том же временном фрагменте, что и каузирующее положение дел. Этот таксисный вариант вполне соответствует каноническому.*

С деепричастиями каузативных эмотивов СВ ситуация сложнее. Если акциональные глаголы СВ (например, глаголы перемещения или изменения положения в пространстве) выражают предшествование или следование по отношению к основному сказуемому (*Подойдя к окну, она поймала муху и зажала её в правом кулачке. [И. К. Архипова. Музыка жизни (1996)] – предшествование; Санитар вздохнул, устало потер переносицу и неспешно вышел из палаты, на засов закрыв за*

собой дверь. [Антон Ветров. Возвращение домой // «Сибирские огни», 2013] – следование), то постпозитивные деепричастия каузативных эмотивов СВ не обозначают следования: *...невестка, под маловразумительным предлогом, покинула милый семейный сабантуйчик, насмерть обидев этим сватов, кумовьев и прочих.* [Марина Палей. Ланч (1999)]; *Огромная, как вагон, машина резко затормозила рядом с ними, испугав старуху попрошайку...* [Сергей Осипов. Страсти по Фоме. Книга третья. Книга Перемен (1998)] = *Невестка ушла и (тем самым) обидела; Машина затормозила и при этом испугала* – каузативные эмотивы не обозначают того, что второе положение дел начинается после завершения первого. Эмоциональная реакция начинается тогда же, когда осуществляется первое событие, а результат может сохраняться и до момента речи. См. примеры с деепричастием *пленив*: *...христианский философ Юстин устроил в Риме публичный диспут с эллинистами и вышел победителем, пленив умы и души многих просвещённых римлян.* [Сергей Смирнов. Конец серебряного века. Anno Domini 180 // «Знание -- сила», 2003]; *Уже на другой день Коки произвел фурор в гостиной инженерши, пленив заодно ее подругу, фрейлину двора Ирину Алексеевну Васильеву.* [Гавриил Петросян. Рассказы о Камо (1977)]. Деепричастие СВ с эмотивно-каузативной семантикой обозначает эмоциональную реакцию, которая возникла во времени параллельно с временем основного предиката. При этом семантика деепричастия перфектна, это означает, что эмоциональное состояние длится дольше, чем то событие, которое вызвало эту реакцию.

Постпозитивные деепричастия СВ с каузативно-эмотивной семантикой могут выражать оценку и интерпретацию факта с точки зрения говорящего, на что указывает употребление местоименной конструкции *тем самым*; ср. примеры: (1) *Не добившись справедливости у Юстиниана, прасины демонстративно покинули ипподром, тем самым оскорбив и императора, и венетов.* (Интернет-ресурс); (2) *Внук Пугачевой причислил Николая Баскова к «тупой попсе», тем самым оскорбив и свою родню.* Пример (1) представляет собой каузативную конструкцию, в которой деепричастие выражает следствие целенаправленной деятельности (*Прасины оскорбили Юстиниана своим демонстративным уходом*) – и уход (прасинов), и эмоциональное состояние (императора) являются фактами; в примере (2) деепричастие выражает мнение говорящего, т.е. интерпретацию говорящим действий каузирующего субъекта: слова внука – факт, а реакция бабушки – лишь предположение говорящего. В примере (1) оценка действия становится непосредственной причиной эмоционального состояния

второго субъекта; в примере (2) субъектом оценки является говорящий (пишущий интерпретатор).

Деепричастные обороты с глаголами каузативно-эмотивной семантики могут быть связаны с точкой зрения наблюдателя: *Подсвечник воцарился на столе, **плняя** завершенностью ансамбля* (И.Бродский). Отсутствие в деепричастном обороте указания на субъекта состояния (того, кому принадлежит глаз или слух) прочитывается в связи с Я говорящего – либо определенно-лично, либо обобщенно-лично.

Деепричастия каузативно-эмотивной семантики создают трудности при построении грамматически корректных высказываний, как по линии категорий вида и времени, так и по линии кореферентности, соотнесенности субъекта основной и зависимой предикаций; см. некорректные (ошибочные) предложения с деепричастиями:

(1) *А вот часовня была выстроена ими весьма скоро, **радуя** взоры всех приезжавших в Хан-Тюбе.* [Дмитрий Сень. Дщерь Петрова и «ахреяне» // «Родина», 2009]; (2) *Закаленное стекло толщиной 6— 8мм — очень прочный и эстетичный материал, способный без труда сохранить внешний вид душевой кабины на долгие годы, **радуя** ощущением чистоты и комфорта.* [Minimum=maximum // «Мир & Дом. City», 2003.06.15]; (3) *Игорю Николаевичу почему-то сразу вспомнилось похожее движение молоденькой кобылки из конюшни Михалкина, но не в оскорбительном, унижающем жену сравнении, а приятно **удивив** искренностью порыва.* [Александр Савельев. Аркан для букмекера (2000)]. В примере (1) деепричастие НСВ употребляется при страдательном причастии СВ; в примере (2) непонятно, что является каузатором и кому принадлежит ощущение; в примере (3) непонятно, кому принадлежит «искренность порыва».

Еще один класс глаголов, для которых деепричастия показывают значительную частотность по отношению к формам изъявительного наклонения, – это глаголы с семантикой изменения положения в пространстве (позы): *облокотиться (облокачиваться), опереться (опираться), склониться (склоняться), повернуться (поворачиваться), обернуться (оборачиваться), согнуться (сгибаться), выпрямиться (выпрямляться)*. В условиях репродуктивного регистра речи деепричастия СВ могут обозначать динамику (в репродуктивно-повествовательном фрагменте), то есть выполнять аористивную функцию (быть синонимом финитной формы при «независимом таксисе»), и обозначать статику (в репродуктивно-описательном фрагменте), то есть выполнять перфективную функцию.

Сопоставление частотности показывает, что «зависимый таксис», представленный формами деепричастий, так же востребован, как и «независимый». Например, для глаголов *облокотиться/облокачиваться* деепричастия частотнее форм изъявительного наклонения (прош. вр. для СВ и прош. и наст. вр. для НСВ):

*Облокотившись* (162), *облокоотясь* (54) – *облокотился/-лась/-лись* (116)

Деепричастие НСВ *облокачиваясь* дает 7 вхождений, в то время как изъявительное наклонение (все формы прош. и наст. вр.) – 15 вхождений.

Деепричастие глагола *опереться (опершись)* в полтора раза частотнее, чем финитные формы прошедшего времени (отношение: 413 к 280). Деепричастие НСВ *опираясь* частотнее деепричастия СВ, но за счет наследования от глагола *опираться* неакционального переносного значения («основываться на чем-л»). Значение изменения положения в пространстве составляет 30% от общего числа вхождений (от 1704).

Глагол *обернуться* так же демонстрирует равенство между «зависимым» и «независимым» таксисом: *обернувшись* (610) – *обернулся/-лась/-лись/-лось* (807). При этом финитная форма допускает многозначность, а деепричастие ее ограничивает.

Подводя предварительные итоги, отметим, что деепричастие позволяет уточнить функционально-семантическую предназначенность глаголов: их способность выражать основную или фоновую информацию, способность сохранять или не сохранять акциональность глагола и его связь с тем или иным типом модуса в определенных текстовых условиях. Сравнительное исследование каузативных и возвратных глаголов, глагольных и именных предикатов дает возможность увидеть распределение финитных и нефинитных форм между разными моделями предложения, интерпретировать парадигматические возможности глаголов разных семантических групп.

## Литература

Апресян Ю.Д. (2006) Фундаментальная классификация предикатов. В кн: Апресян Ю.Д. (ред.) Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянской культуры, с. 75-110.

Авилова Н.С. (1976) Вид глагола и семантика глагольного слова. М.: Наука, 328 с.

Бабенко Л. Г. (ред.) (1997) Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм: Памяти Э. В. Кузнецовой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 520 с.

Бондарко А.В. (ред.) (1987) Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 348 с.

Булыгина Т.В. (1982) К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М.: Наука, с. 7-85.



Горбова Е.В. (2017) Грамматическая категория аспекта и контекст (на материале испанского и русского языков). СПб: Изд-во СПбГУ, 420 с.

Грамматика русского языка (1952). Т. 1. Фонетика и морфология. М.: Изд-во АН СССР, 720 с.

Маслов Ю.С. (1978) К основаниям сопоставительной аспектологии. В кн.: Вопросы сопоставительной аспектологии. В. 1. Л: Наука, с.4-44

Маслов Ю.С. (1983) Глава 2. Результатив, перфект и глагольный вид. В кн.: В.П.Недялков (ред.) Типология результативных конструкций. Л: Наука, с.41-54.

Падучева Е.В. (1996) Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 464 с.

Падучева Е.В. (2004) Динамические модели в семантике лексики. М.: ЯСК, 607 с.

Плунгян В.А. (2003) Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. М.: Эдиторал УРСС. 383 с.

Татевосов С.Г. (2016) Глагольные классы и типология акциональности. М.: ЯСК, 564 с.

Храковский В.С (ред.) (2009) Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 906 с.

Шахматов А.А. (1941) Синтаксис русского языка. Л: УЧПЕДГИЗ, 620 с.

Овсяннико-Куликовский Д.Н. (1912) Синтаксис русского языка. Изд 2-е. СПб: Издание Л.Н. Овсяннико-Куликовской. 322 с.

Якобсон Р.О. (1972) Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М: Наука, с.95-113.